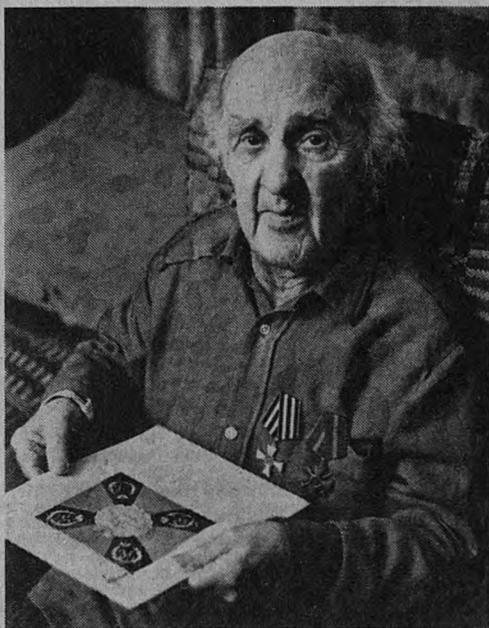

Соб. коллекция. - 1990. - 10 номер - С. 6.

Не старик, а сам Святой Дух. Венчик пушистых волос, мягкий голос, пронизательный взгляд. И так это спокойно, как само собой разумеющееся:

— Что вы!! С Буниным я был более близок, чем с Андреем Платоновым. С Иваном Алексеевичем мы в Одессе познакомились. Он по-доброму отзывался о моих литературных упражнениях — стихи я писал. Я его в Одессе и на пароход провожал... Звал меня с собой, предсказывал, что в России наступят более черные дни — нашему брату несдобровать. Я был большим оптимистом, нежели Бунин. Не мог представить: как это русские с русскими договориться не смогут — должен же восторжествовать здравый смысл...

Окаянное отношение

Затронули мы тему «окаянных дней», и Галина Викторовна на полном серьезе говорит, что нет им покоя... от привидений. Рассказала, что под домом страшные подвалы, в которых производили расстрелы и мамонтовцы, и шкурницы, и красные... Много здесь загублено душ — вот и напоминают они о себе.

— Необъяснимо, почему рухнула люстра у нас? Почему обвалился потолок? То вдруг ни с того, ни с сего возник пожар... Подвалы у нас такие страшные, что от них даже какие-то кооператоры отказались. Пришли, посмотрели — жутко стало... Нет, привидениями в нашем здании надо серьезно заняться. Вот такой неожиданный ракурс «окаянных дней».

...Люблю у Бунина читать «Освобождение Толстого». Как Лев Николаевич сделал выжимки из мудрости человеческой и создал «Круг чтения», так и Бунин в своем труде попытался у Толстого выбрать главное и дать квинтэссенцию понимания его поиска смысла жизни, его пути к Истине. Через Толстого сам Бунин готовится к чему-то значительному в жизни. Вот выписывает из «Круга чтения» изречение Монте-ни: «Смерть есть начало другой жизни».

Для Бунина эта «другая жизнь» началась и идет сложнее и многотруднее, чем у Толстого, отлученного от церкви, но погребенного в родной земле. Он много в той работе, написанной в Париже в 1937 году, задал вопросов себе, нам, Толстому. Каким привидением бродит его душа на чужбине? Душа, так любившая и страдавшая за Россию. Может, вернем Ивана Алексеевича туда, где родился! В Воронеж. Есть и место на крутом обрыве в конце сада его счастливого безоблачного детства. Этим и поможем Бунину завершить мучительный путь освобождения.

Э. ЕФРЕМОВ.

ВОРОНЕЖ.

- Т. А. Аретинский.
- Дом, где родился И. Бунин.
- Часы из дома И. Бунина в Одессе.

Фото М. Вязового.

1943 год: «Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли? Часто думаю о возвращении домой. Доживу ли? И что там встречу?»

1944 год: «Все думаю: если бы дожить, попасть в Россию!»
Не подействовало на ветеранов. Улицы Бунина в Воронеже так и нет. И не спешит город переименовывать улицу Ворошилова, набережную Буденного... Кстати, если бы набережная Буденного стала Бунинской, то двор с садом выходил бы на нее. И город обрел бы аромат бунинских «Антоновских яблок».

А дом, в котором родился Бунин, стоит в начале проспекта Революции, который в прошлом именовался Дворянской. И за этот дом воронежские битвы идут уже более двадцати лет. Были решения о сносе его, и на этом месте возвести современную многоэтажную «свечу». Интеллигенция города отстояла дом. Много сил этому отдал живший в этом доме В. Петровский, собравший много материалов о Бунине. Доброе слово скажем о писателе Ю. Гончарове, Г. Троепольском, Е. Люфанове, В. Будакове, О. Ласунском, художнике В. Криворучко... Но власти все же умудрились мемориальную доску повесить на доме, который... рядом. И задокументировали в мраморе свою версию: на этом месте был дом, в котором родился Бунин. Мол, пройдет время, успокоится, забудется, а там и снесем истинно мемориальный дом. Уж больно место хорошее он занимает! Обзор — неоглядный! Веса левой берег, как на ладони. А под береговой кручей весной сады бушуют. В бунинском саду и по сей день соловьи поют.

Но время здравого смысла берет свое. Доска хоть и висит на прежнем месте, но часть дома все же отреставрирована под музей, который намечалось открыть к сегодняшнему юбилею. Но этого не произошло.

Город не может выделить квартиры шести семьям, проживающим в бунинском доме. Правда, часть жильцов и

енного: мать очень красива, в шелковом с приподнятым расходящимся в стороны воротником платье с небольшим декором на груди, а военный в кресле одет сложно и блестяще, с густыми ополетами, с орденами, — мой крестный отец, генерал Сипягин».

Из его записок мы знаем, в какой магазин он ходил за конфетами. А Сипягин, отмечая смущенность мальчонки, уверял, что он будет большим человеком... генералом!...
В отличие же от всего мира, Воронеж долгое время Бунина не признавал ни при его жизни, ни после его смерти. Еще до недавнего времени в областных газетах печатались материалы, чтобы охладить пыл ревнителей русского писателя, намекаящие о том, что этому «певцу белогвардейщины» за одни только «Окаянные дни», прощения нет и быть не может. Мало ли там, что есть «Жизнь Арсеньева», «Темные аллеи», «Суходол» — истинное-то лицо его в «Окаянных днях».

Когда я пишу эти строки, «Коммуна» и «Молодой коммунар» одновременно печатают эти самые «дикие», «оголтелые» «Окаянные дни»...

Но вот совсем недавно в Воронеже был митинг. Собравшиеся протестовали против переименования части Кольцовской улицы, выходящей на дом, где родился писатель, в улицу Бунина. И речь-то шла всего о тупичке в четыре дома, но в тех домах живет большинство пенсионеров, воспитанных в раннем детстве и всю жизнь, что Бунин белогвардеец и эмигрант. Пытались им читать на том митинге дневниковые записи страдающего земляка в годы войны.

1941 год: «Страшные бои русских и немцев... Взято то, взято другое... Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить».

1942 год: «Битва в России. Что-то будет? Это главное — судьба мира зависит от этого...»

...Шестого июля объявили, что взят Воронеж. Оказалось — брехня: не взят и посегодня».

ТИМОФЕЙ Александрович Аретинский был офицером добровольческой армии. За последние семьдесят лет он впервые вот так свободно заговорил о своем прошлом. Девяностопятилетний возраст да происходящие в стране события подсказывают — теперь бояться нечего.

— Как ушел я из-под расстрела, так и затаился в Новохопёрском уезде — землемером работал, разнорабочим. И упаси, господь, что-нибудь там рисовать, писать — боялся, что опознают во мне интеллигента... В Отечественную ушел добровольцем, дослужился до старшего сержанта, награды имею... После войны вернулся в Воронеж, работал в доме-музее Никитина, но и там редко кому, да и то не все, рассказывал о своем прошлом...

Узнав о моем «открытии», работник музея Е. Корчагина отправилась к Тимофею Александровичу с магнитофоном — к последней живой ниточке в Воронеже, наверное, и в стране, связывающей нас с выдающимся земляком — Иваном Буниным.

...Воронеж и жизнь в нем — штука непростая. В Орле есть в литературном музее комната, посвященная жизни и деятельности писателя. В Ельце энтузиасты, преподаватели пединститута, художники, бросили клич ко всем энтузиастам страны — в городе открыт прекрасный дом-музей И. А. Бунина. Сейчас эти же люди воссоздают мемориальный бунинский комплекс в Озёрках, где долгое время жил Иван Алексеевич.

В Воронеже Бунин родился. Дневниковая запись: «23 октября 1940 (10.X.40 по старому стилю)... 70 лет тому назад на рассвете этого дня (по словам покойной матери) я родился в Воронеже, на Дворянской улице... Тогда мне казалось, да и теперь кажется, что я что-то помню из жизни в Воронеже, где я родился и существовал три года... Довольно живо вижу одно, нечто красивое: я прячусь за портьеру в дверях гостиной и тайком смотрю на нашу мать на диване, а в кресле перед ней на во-